

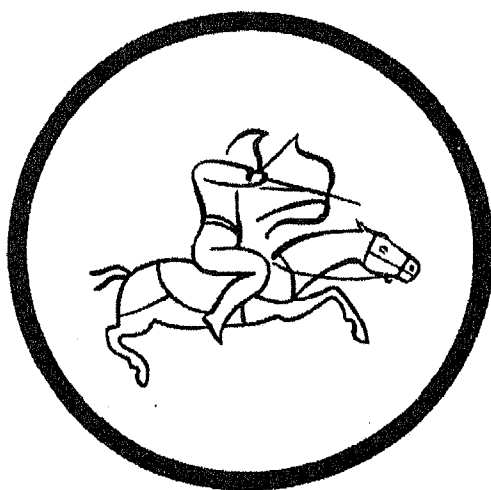
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 10

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ

**Сборник статей
к 70-летию П.Н.Старостина**

Казань 2009

ББК 63.4

Др 72

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 10

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *Д.Г.Бугров* (отв. редактор)
кандидат исторических наук *С.В.Кузьминых*
кандидат исторических наук *А.Г.Ситдиков*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.Р.Газимзянов*
кандидат исторических наук *Е.М.Черных*

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемяева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н.Старостина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 184 с.

Сборник, посвященный юбилею известного казанского археолога П.Н.Старостина, включает публикации материалов новых археологических памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа и раннего средневековья на территории Нижнего Прикамья и сопредельных регионов – Поволжья, бассейнов рр. Вятки и Белой, а также статьи, обобщающие результаты исследований предшествующих лет.

Книга предназначена для специалистов-археологов, историков, этнографов, музейных работников и краеведов.

ISBN 978-5-94981-147-4

© Институт истории АН РТ, 2009

ФОРМИРОВАНИЕ УДМУРТСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ КОСТЮМНЫХ СВЯЗЕЙ (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

Костюм – один из наиболее важных элементов жизни человека. Вместе с жилищем, орудиями труда и производственными навыками, пищей и утварью одежда образует широкую область материальной культуры общества. Наряду с этим, она является сложной знаковой системой, позволяющей различать людей по полу и возрасту, территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности, отражает общий уровень развития данного общества. У большинства народов различается одежда женская и мужская, взрослая, молодежная, подростковая и детская, праздничная и будничная, городская и деревенская, культовая. Все эти признаки перекликаются между собой, изменяются и образуют сложные комбинации.

Костюм не представляет собой чего-то статичного, застывшего, это динамичная, развивающаяся система, зависящая от многих факторов: изменений в быту, экономике, обществе. Большинство изменений оставило след в комплексе народного костюма в целом (появление новых элементов) и в различных деталях (материал, покрой, орнамент).

Народный костюм носит ярко выраженный этнический характер. Его основополагающие элементы, как правило, являются общими для всех членов данной этнической общности. Предметы одежды, однако, перемещались вместе с выданными замуж девушками в иноэтничную среду. Различия социального характера касались обычно лишь качественной стороны материалов, используемых для изготовления костюма. Одновременно при наличии общих этнических черт народный костюм в каждом конкретном случае был оригинален.

Как культурная форма, костюм представляет собой совокупность одежды, головного убора и обуви, которые отражают, главным образом, его утилитарные функции, а также убранства (аппликация, вышивка, пояса, украшения, амулеты, оружие, косметика, прическа). К нему же относятся и аксессуары (сумочки, кошельки, туалетные принадлежности) (Доде, 2005. С.306).

Значение в костюме имеет все – сочетание элементов, особенности ношения определенных вещей вместе или категорические запреты этого, цвет отдельных частей костюма и комплекса в целом (особенно это касается оттенков

красного, который в большинстве культур имеет ведущее социальное или культовое значение), наличие или отсутствие дополнительных предметов (ножа, пояса и др.), технология изготовления деталей костюма и происхождение элементов декора расскажут о культурных и торговых связях.

Особенностью этнографического костюма является его большее единообразие, по сравнению с археологическим. Кроме того, в большинстве случаев, традиционный костюм современного населения несет семиотическую (текстовую) нагрузку с известным «словарем перевода». Это позволяет более детально оценивать соотношение значений отдельных элементов. По существу, прочтение костюма как текста есть установление его функций и смыслов (Доде, 2005. С.311).

Удмуртский этнографический костюм – один из самых неизученных в приуральском регионе.

В большинстве историографических обзоров упоминаются исследования В.Н.Белицер (1951) и Т.А.Крюковой (1973). Не умаляя значения обеих работ в изучении вопросов костюма, все же следует отметить, что за давностью лет их, скорее, можно отнести к историографическим фактам. В 1970-1980-е гг. проходила огромная, почти 15-летняя экспедиция по изучению быта удмуртов (Христолюбова, 1993. С.11-12), результаты которой не представлены монографически*. Есть еще статья С.Х.Лебедевой и М.Г.Атаманова (1987), без сомнения, лучшая на сегодняшний день комплексная работа по интересующему нас вопросу. Необходимо отметить появившуюся недавно монографию И.А.Косаревой (2000) по одежде периферийных групп удмуртов и серию работ Н.И.Шутовой (1992; 1994; 1995; 1999) по некоторым частным вопросам развития костюма**.

Несмотря на это, можно констатировать, что тема не раскрыта, количество специализированных исследований мало, терминология костюмных элементов и технология их изготовления не изучены вообще.

* После сдачи работы в печать (2006 г.) появилась «альбомная» монография С.Х.Лебедевой (2008).

** Подробнее см.: (Краснопёров, 2008а; 2008б).

Что же мы знаем о происхождении удмуртского костюма?

Сопоставляя этнографические материалы с археологическими (ананьинскими, пьяноборскими, азелинскими), С.Х.Лебедева и М.Г.Атаманов пришли к следующим заключениям:

«1) основы костюмного комплекса удмуртов, в первую очередь украшений, начали закладываться уже с ананьинско-пьяноборского времени;

2) наряд пьяноборско-мазунинского населения, лег в основу собственно южноудмуртского костюма;

3) азелинский костюмный комплекс явился основой для нижнечепецких, особенно унинско-зуевской группы (Ватка) и завятских (кукморско-балтасинских) удмуртов;

4) костюмный комплекс северных удмуртов, живущих в бассейне верхней и средней Чепцы, сформировался на базе наряда полемско-чепецкого населения с включением азелинских элементов (например, *такъя*);

5) сравнивая костюм калмезской женщины по рисунку художника-этнографа С.Н.Виноградова с реконструкциями археологов, параллель костюму калмезов мы находим в женском наряде кара-абызской археологической культуры» (Лебедева, Атаманов, 1987. С.139, 149).

Эта точка зрения не оспаривается никем.

Сходство между пьяноборским, азелинским, кара-абызским и удмуртским костюмом действительно налицо. Но происходит оно не от прямой преемственности, а оттого, что украшения из погребений попросту «надемы» на этнографический костюм (Генинг, 1963. Рис.19). Меж тем ошибки в реконструкции очевидны.

Проиллюстрируем это на конкретном примере (рис.1). План погребения (Суворово, п.5) позволяет уверенно реконструировать ширину и длину подола, а также то, что украшения располагались лишь сзади (Генинг, 1963. Рис.58). Размещение украшений сзади позволяет говорить, что они не скрывались другим предметом одежды. Наличие продольной орнаментальной полосы от локтя до локтя, в том числе и сзади по вороту, говорит об отсутствии отложного воротника. Также необоснованно показаны «рюши-оборки», часто «прицепляемые» археологами на древний костюм. Появление декоративных полос в костюме во всех случаях связано с развитием товарно-денежных отношений. В различных регионах данные элементы декора появляются в разные исторические периоды, на пересечении активных торговых путей (на Кавказе) – раньше, в лесной зоне – позже, с появлением на рынках мануфактурной и фабричной ткани, из которой только они и делались.

Глядя на удмуртский костюм можно отметить, что большинство элементов появились в нем достаточно поздно.

Крой. Одной из самых первых работ, посвященных классификации предметов одежды, которая стала основой для многих последующих, стала монография Б.А.Куфтина, впервые дающая законченную и четкую методику описания одежды. Автор строит классификацию по распластанному покрою, а не по тому, в каком виде и с каким общим одежным комплексом носится эта часть одежды. Классификация получилась не функциональная, а формальная (Куфтин, 1926).

Говоря о рубашках, бытующих в Восточной Европе, ученый выделил три типа: 1) покрой туникообразный, где рубаха имеет форму прямоугольного мешка с отверстиями для головы и рук, к последним пришиваются прямые рукава с ластовицами; 2) покрой из двух полос холста, покрывающих спину и грудь и соединенных на плечах пришитыми кусками материи (поликами), к которым пришиваются рукава; 3) рубаха без рукавов с лямками (Куфтин, 1926).

Туникообразный покрой известен в Риме, Византии, на бурятских халатах, в японских кимоно и др. Этот тип рубахи разделяется на два подтипа: 1) полотнища перекидываются через оба плеча, опускаясь на спину и грудь так, что швы расположены спереди, сзади и по бокам; 2) одно основное полотнище, в котором прорезано отверстие для головы, перекидывается через спину и грудь, к нему пришиваются рукава и два боковых полотнища. Дополнительно могут выделяться варианты в зависимости от формы клиньев, вставляемых в бока для расширения стана. Оба подтипа состоят из 4 точив, существенной эту разницу Б.А.Куфтин не считал (Куфтин, 1926; Гаген-Торн, 1933; Сычев, 1977).

Появившуюся в 1933 г. статью Н.И.Гаген-Торн можно рассматривать как рецензию на монографию Б.А.Куфтина. По мнению исследовательницы, оба подтипа покроя необходимо рассматривать в совокупности с другими деталями одежды. *Первый* по классификации Б.А.Куфтина *подтип* туникообразной рубахи носится всегда высоко под *стянутым поясом* так, что женские ноги *остаются открытыми* до колен и обычно толсто заматываются онучами. На поясе при этом разрастаются *обильные поясные украшения* (металлические подвески, набедренники и натазники). На груди два основных полотнища непременно *скрепляются пряжкой-фибулой*, присутствие пряжки, застежки является чрезвычайно характерным для данного комплекса. Данный тип рубахи распространен в основном в лесной полосе, с различными видоизменениями он зафиксирован у вос-

точных финнов, и можно с полным правом считать его финским (Гаген-Торн, 1933. С.125).

Второй подтип по классификации Б.А.Куфтина в своем чистом виде носится всегда *без пояса*. Н.И.Гаген-Торн считала, что Б.А.Куфтиным не отмечена главная особенность этого подтипа – боковые полотнища образуют клинья, что вызывает необходимость создать широкий подол и возможность свободного шага при длинной, *покрывающей ноги* одежде. С рубахой этого типа связано устройство ворота, не скрепленного пряжкой, с *плотно прилегающим шейным вырезом*. Оставшийся открытый грудной разрез прикрывается особой частью одежды – *нагрудником*. Данный одежный комплекс наблюдается у всех тюркоязычных народностей, он относится к кочевому, степному, скотоводческому типу хозяйства, когда длинная и широкая одежда не мешает сидеть верхом, а отсутствие земледелия и пешего передвижения не требуют открытых ног и пояса (Гаген-Торн, 1933. С.125-126).

Эта точка зрения была на конкретном материале развита в работе, опубликованной в 1960 г. (Гаген-Торн, 1960), однако сама монография написана значительно раньше – в первой половине 30-х гг. (Гаген-Торн, 1933. С.126, сноска 1).

Имеющаяся классификация была дополнена Л.П.Сычевым и В.Л.Сычевым. На обширном материале было показано, что покрой с центральным швом характерен также для народов Восточной Азии, чем они отличаются от населения Сибири и советского Дальнего Востока. Тем самым считать данный покрой финским этноопределителем, видимо, преждевременно. Всего В.Л.Сычевым было выделено три типа кроя, первоначально связанных, по мнению исследователя, с особенностями хозяйственной деятельности. *I тип* – из *двух полотнищ*, генетически связан с культурно-хозяйственными типами, в которых преобладало *земледелие*. Его ранняя форма – *распашная*. Нераспашная одежда этого типа развилась из распашной под влиянием одежды второго типа, ориентировочно в районах Западной или Центральной Азии. *II тип* – из *одного полотнища*, генетически связан с культурно-хозяйственными типами, в которых преобладало *скотоводство*. Его ранняя форма – *нераспашная*. Распашная форма развилась под влиянием одежды первого типа. *III тип* – также из *одного полотнища*, но не с вертикальным, а с криволинейным разрезом. Крой связан с традицией изготовления такой одежды из бараньих шкур, и, таким образом, с охотничьим хозяйством. Контакты между различными этносами привели к тому, что скотоводы могли перенимать крой земледельческих племен, и наоборот (Сычев, 1977).

Как отмечают все авторы, у *удмуртов* *распространен крой исключительно из одного полотнища*.

В погребениях пьяноборско-мазунинского времени зафиксирована в качестве основной одежды рубаха длиной до середины голени или несколько ниже/выше. Ширина подола фиксируется по обшивкам, незначительно выходящим за пределы берцовых костей. Рукав мог иметь различную длину: до кисти, на 3/4, до локтя. Об этом говорят находки больших браслетов, а также зафиксированные обшивки самих рукавов. Обшивки рукавов относятся именно к отделке рубахи, а не верхней одежды, как считает большинство авторов, что наглядно подтверждается фиксацией ремешков с пронизками и бляшками на фрагментах ткани тонкой выработки. Горловой вырез воротником не оформлялся, либо мог быть небольшой стоячий воротничок. Рубаха шилась из тонкого шерстяного полотна, окрашенного в темный (красный?) цвет.

В погребениях обнаружены как застежки для скалывания ворота, так и остатки нагрудников, для «защиты» горлового выреза. Основываясь на разработках Н.И.Гаген-Торн и Ю.А.Краснова, можно полагать, что рубаха, скреплявшаяся у ворота застежкой, *шила из двух точив полотна*, перекинутых через плечи. Швы, таким образом, располагались по центру спины и груди. Это подтверждается и расположением «швов» на антропоморфной пластике. Второй вариант кроя рубахи также бытовал в среде чегандинского населения. Свидетельство тому – бытование нагрудников. Этот вариант шился из *одного широкого полотнища*, перегнутого по утку. Горловой вырез закрывался нагрудником.

Цвет. В удмуртском костюме отмечены два основных цветовых предпочтения: в *северных комплексах* (как и у коми) *доминирует белый цвет*, в *южных* – *темная пестрядь*. По мнению исследователей, одежда из пестряди явилась следствием контактов с тюркским миром, а белая – исконно удмуртская. Однако, распространение белой одежды в северных регионах (у удмуртов, коми), на мой взгляд, связано с влиянием русского населения на эти области. Многочисленные археологические находки свидетельствуют о значительном влиянии русского населения на автохтонное именно на Вятке, Чепце и Верхней Каме.

Пестрядь же, восприняв, возможно, схему клетчатого орнамента, сохранила исконную, красную цветовую основу.

Основным свидетельством является археологический текстиль, во множестве обнаруживаемый в материалах могильников. Почти все сохранившиеся на сегодняшний день фрагмен-

ты имеют темный – черный или коричневый цвет. В погребении 33 Тат-Боярского могильника найден фрагмент тесьмы, окрашенной чередующимися светлыми и темными полосками (Рычкова, 2002. С.38-39). Из этого можно сделать вывод, что неокрашенные ткани сохранили бы светлый тон. Химический анализ красителей не проводился. А.К.Елкина, предполагала, что первоначально *ткань была окрашена в красный цвет* (Климов, 1984. С.93-96; Елкина, 1988. С.143-146; Останина, 1992. С.43). При публикации материалов Покровского могильника Т.И.Останина указала в качестве красителя марену красильную (Останина, 1992. С.43).

Обувь. Этнографически зафиксированная обувь удмуртов – *лапти*. Признать ее исконное происхождение никак нельзя. С одной стороны, на городищах и селищах древнего населения края многочисленны находки кочедыков, которые, однако, могли использоваться для плетения сетей (коробов, корзин). С другой, как показали исследования, 1) лапоть, как вид обуви, появляется в письменных источниках не ранее XVI в.; 2) археологически, лапоть фиксируется в слоях относящихся ко времени не ранее XVI в.; 3) первое изображение лаптя относится к рубежу XVI-XVII в.; 4) этнография фиксирует распространение лаптя среди русского населения в начале XVII в. (Курбатов, 2001). До этого времени среди русского населения была распространена обувь из кожи.

Многочисленные находки фрагментов обуви и, прежде всего, ее бронзовых украшений, напрямую свидетельствуют, что *кожаная обувь* была если не единственной, то преобладающей, в костюме местного населения.

Перевязь. Одним из характерных удмуртских украшений является *перевязь*. Попытка В.А.Семенова вывести ее истоки из пьяноборского костюма (Семенов, 1983. С.130) безосновательна. Полевые материалы и план погребения (Генинг, 1971. Рис.14а) позволяют высказать предположение, что данное украшение является остатками накосника.

Перевязь присутствует в костюме тюркоязычного населения края – татар (с тем же названием – «бутьмар») (Суслова, Мухамедова, 2000. С.232, 234), башкир – и является еще одним заимствованием.

В целом же удмуртский костюм выглядит синкретичным, в разное время подвергшимся значительным влияниям. И его *эволюция никак не прямолинейна и равномерна, как кажется*. На мой взгляд, происхождение и развитие костюма явление многоплановое и сильно растянутое во времени.

К самым ранним пластам относится появление в женском наряде *круглой полусферической шапочки*. Известна она у народов Поволжья, Средней Азии, Прибалтики, Кавказа. В костюме соответствующих регионов она бытовала уже в бронзовом веке (Моора, 1960; Волкайте-Куликаускаене, 1986; Усманова, Логвин, 1998; Доде, 2001). В памятниках алакульской культуры многочисленны находки головных уборов типа круглой сферической шапочки различной глубины, с ушками и без (Усманова, Ткачев, 1993; Виноградов, 1998; Шилов, Богатенкова, 2003. С.262). Несмотря на то, что термин, которым сейчас обозначается круглая сферическая шапочка у финноязычных народов («такья» – удм., «тухья» – чувашск. и др.), является поздним, тюркским заимствованием, распространение такого вида головного убора среди народов на территории от Балтики до Алтая должно иметь очень глубокие корни. Возможно, она появилась в эпоху неолита-энеолита. Погребения одного из самых ярких памятников этой эпохи – Оленеостровского могильника – подтверждают это предположение (рис.2).

С распространением культур ираноязычных кочевников андроновского и андронидного облика в бронзовом веке связано появление в костюме прикамских народов *накосников* (подробнее см. Краснопёров, 2008в). Как показали исследования Э.Р.Усмановой на обширной археологической и этнографической базе, ареал их бытования, в целом, совпадает с территорией, занятой андроновцами (Усманова, Логвин, 1998. С.57).

Наиболее архаичным видом накосных украшений считается длинный накосник, сшитый в виде мешочка с открытым низом (или полосы ткани), обшивавшийся различными украшениями. Он крепился к шапочке. Волосы покрывались полосой или пропускались через мешочек. Головной убор с накосником был присущ девушкам и молодым женщинам до рождения первого ребенка. Также зафиксированы накосные украшения, вплетавшиеся в волосы (Усманова, Логвин, 1998. С.38, 48). Удмурты здесь не исключение, у некоторых групп зафиксировано, что сзади к девичьему головному убору прикреплялась матерчатая петля, к которой привешивалась сплетенная из нитей косица. К ее концу прикреплялись низки разноцветного бисера, раковины каури. Накосник носился девушками, волосы заплетались в одну косу. Другой вид накосных украшений зафиксирован у закамских удмуртов. Он представлял собой длинную широкую полосу ткани с двумя рядами монет, спускающуюся вдоль спины. К голове это украшение прикреплялось с помощью матерчатого венца (Косарева, 2000. С.52, 171, 174, рис.94а,б).

По мере изменения семейного статуса (замужество) прическа менялась на женскую – волосы заплетались в две косы, соответственно менялся и накосник (Клюева, Михайлова, 1988. С.126; Обряды, 2002. С.130-133); по мере старения количество накосных украшений уменьшалось (Усманова, Логвин, 1998. С.51).

На пьяноборских и мазунинских памятниках отмечено три вида накосных украшений: в одну, две ленты и одинарный накосник типа мешочка. Каждый из них подразделяется по способу оформления на несколько вариантов, при этом варианты декора накосников в одну и в две ленты совпадают. В синхронных памятниках карабызской культуры отмечены специфические украшения, которые исследователь этой культуры А.Х.Пшеничнюк называет «портупеями» (Пшеничнюк, 1964. С.219; 1968. С.73; 1973. С.183), считая нагрудными украшениями. По его мнению, эти украшения появляются с IV в. до н.э., наибольшее распространение получают в III-II вв. до н.э., но бытуют и позже. Планы погребений, где обнаружены такие украшения, указывают, что их верхний конец располагается на уровне ключиц, и несколько загнут к черепу. По моему мнению, это не что иное, как парные накосники в виде кожаных ремней, украшенных бронзовыми накладками и концевыми привесками. Эти привески, вероятно, оформляли конец накосника в виде кожаной трубки, в который коса помещалась полностью. Дополнительным свидетельством в пользу такой интерпретации является наличие параллельных привесок по сторонам основного накосника.

У финноязычных народов Поволжья распространены *высокие головные уборы* на твердой основе. У удмуртов бытовал конусообразный головной убор без ушек с открытым затылком на твердой берестяной основе – «айшон». Надежно его прототипы фиксируются с XVI в. (Шутова, 1992. С.14-15). Н.А.Лещинская на памятниках бассейна р.Вятки зафиксировала следы украшений, по расположению которых можно предполагать, что они были нашиты на айшон. Погребения датируются автором раскопок VI-VII вв. Одна из самых ранних находок головных уборов на берестяной основе (высоких) зафиксирована на Нармонском могильнике (погр.1) (Старостин, 2002. С.5).

Наиболее древние их прототипы мне известны в пьяноборско-мазунинское время. Впервые внимание к таким уборам было привлечено вследствие раскопок С.Э.Зубова на Кипчаковском могильнике (Зубов, 2000). В погребении 15 был найден кожаный убор цилиндрической формы с закрытым затылком и ушами. Основным украшением убора являются ажурно-прорезные

накладки. Шапочка была разделена на четыре секции-ряда пятью ремешками, сплошь покрытыми обжимными обоями. Первый, верхний, ряд состоял из 15 прямоугольных ажурных накладок, второй – из 8 ромбических ажурных накладок и одной накладки из пяти спиралей, третий ряд состоял из симметрично нашитых справа и слева ажурных накладок четырехугольной формы. Нижний, четвертый, ряд был украшен круглыми бляшками (9 экз.). Головной убор дополняли 12 височных подвесок: 9 спирально-витых, 1 гофрированная и 2 листовидных. С.Э.Зубов считает, что соединенные в ряд ажурные накладки, найденные в изголовье относятся к накоснику. Головной убор полностью сохранил затылочную часть, и накосник остался бы прикрепленным. Вероятно, это был верхний ряд того же убора.

В погребении 6 Меллятамакского I могильника обнаружены остатки головного убора из бисера, пронизок, накладок и просверленных зубов мелких хищников. Череп умершего несколько повернут налево. К сожалению, план могилы не позволяет детально восстановить расположение украшений. Можно лишь предполагать, что это высокий (около 15 см) головной убор с плоским верхом (Старостин, 1978. С.128, рис.6)

В мазунинский период также зафиксированы высокие головные уборы. Один из них найден в погребении 232 Тарасовского могильника. Бронзовые бляшки расположены тремя вертикальными рядами по центру и бокам, нижний край украшений не имеет. Бляшки вытянуты выше черепа приблизительно на 20-25 см, выше их, перпендикулярно, расположен ряд бронзовых подвесок, железных и бронзовых цепочек. Расположение украшений позволяет предполагать высокий (до 25 см) башнеобразный головной убор, несколько сужающийся кверху, орнаментированный тремя вертикальными рядами бляшек и горизонтальным рядом подвесок по околыву. На висках его дополняли височные украшения из цепочек и подвесок. В погребении найдены фрагменты дерева, кожи. В области черепа никаких органических остатков не зафиксировано. Можно предположить, что основа убора была из войлока. Нечто подобное обнаружено и в погребении 28. Бусы также вытянуты вертикальными рядами вверх от черепа. Возможно, здесь также найден высокий башнеобразный головной убор.

Значительный интерес представляет одна глиняная фигурка с площадки Тарасовского могильника. Это высокий, сужающийся кверху «головной убор». Его орнамент состоит из двух рядов наклепных «бляшек» крупного размера, расположенных рядом в нижней и средней час-

ти «убора». Ряды разделяются тремя налепами, имитирующими ленты с пронизками. Не смыкаясь сзади, концы «лент» загибаются вверх. Верх «убора» и его задняя (затылочная) часть не орнаментированы. Данный предмет, по моему мнению, соответствует выделенным вариантам высоким головным уборам. Форма его ближе всего к убору с Тарасовского могильника (погр.28, 232) – конусообразный сужающийся к уплощенному верху, без ушек, с открытым затылком. Но изображенный орнамент подобен зафиксированному на уборе с Кипчаковского I могильника (погр.15) – две секции-ряда, разделенные тремя рядами пронизок-обойм.

Образец глиняной пластики, который можно считать головным убором конусообразной формы, найден на городище Серенькино. Он представляет собой фигурку, разделенную горизонтальными вдавлениями на 7 (8?) рядов, в середине в углублениях – два ряда глиняных налепов, изображающих бляшки орнаментации головного убора (Обыденнов, Корепанов, 2001. Рис.35, 7; Иванов, 2003. Рис.6, 1). Там же обнаружена подобная фигурка, но без налепов (Обыденнов, Корепанов, 2001. Рис.35, 6; Иванов, 2003. Рис.6, 8). Еще одна фигурка, могущая изображать такой головной убор, найдена на Уяндыкском городище (Иванов, 1976. С.311-312, рис.2, 9; Обыденнов, Корепанов, 2001. Рис.35, 11).

Высокий головной убор, зафиксированный на Кипчаковском могильнике, по своей форме очень близок скифским тиарам (Мирошина, 1981). Т.В.Мирошина считает, что диаметр плоского верха тиары составлял 19 см, высота спереди – 8,8-10, общая высота – 25-28 см. Исследовательница указывает, что истоки этого вида головного убора надо искать на востоке. Диаметр кипчаковского убора, судя по реконструкции С.Э.Зубова, около 15 см, высота передней части 8, общая высота 14, то есть он несколько ниже и меньше. По моему мнению, он был выше сантиметров на пять. Сам памятник является биритуальным курганно-грунтовым могильником, что не характерно для пьяноборского населения. Такой вид погребальной обрядности мог быть привнесён только из степной зоны, где он является единственным у одновременного сарматского населения, имевшего тесные связи с восточными культурами.

Таким образом, происхождение высоких головных уборов, вероятно, связано с ираноязычным миром – либо напрямую (Кипчаково), либо опосредованно, через призму творческой традиции местного населения (Тарасово).

Место *размещения декоративных элементов* в костюме – явление очень устойчивое. Продольные полосы орнамента на рукаве, по-

перечные у локтя, на запястье, на середине предплечья известны по археологическим материалам скифов, саков, кара-абызцев, азелинцев, пьяноборцев, мазунинцев и многочисленных современных народов (подробнее см.: Краснопёров, 2009). Этнографы связывают это со значительными культурными контактами финно-угорских и тюркских народов с ираноязычными кочевниками (Толстов, 1930. С.75; Прыткова, 1953. С.232; Шитова, 1984. С.13, 26; Никонорова, 2002. С.161-162). Костюм иранцев декорировался по швам на плечах, предплечьях, груди, спине, по краям рукавов, по подолу бляшками. Полы верхней одежды оторачивались мехом. Штаны имели декоративные лампасы (Доде, 2001. С.102-103). Все это в той или иной степени отмечено и в среде прикамских племен пьяноборско-мазунинского времени, как в материалах погребений, так и на глиняных фигурках.

В эпоху железа в Прикамье впервые появляются *пояса* с «регулярным» расположением украшений по всей поверхности ремня, образующим определенную схему орнамента. Большинство полностью орнаментированных поясов происходит с памятников левобережья Камы. Судя по всему, появление «логики» в оформлении поясных наборов можно объяснить тесными контактами с более южными соседями. В.А.Иванов связывает с этим временем возобновление традиционных культурных связей с кочевым югом. Однако сам сарматский мир наборных поясов практически не знал (Симоненко, 1979. С.52-53; Иванов, 1980. С.79; 2000. С.95). Эти контакты происходили, вероятно, в двух плоскостях: либо личные контакты, возможно брачные, в результате которых в погребениях появляются «импортные» пояса, либо заимствование «идей» – привнесение в среду местных племен общей концепции (схемы) создания таких форм поясов, но из местных материалов (подробнее см.: Краснопёров, 2007).

В середине VI в. в степях происходят значительные подвижки населения, связанные со сменой языкового состава кочевников. Место ираноязычных народов занимают тюркоязычные.

Даже беглый взгляд на комплекс остатков одежды из погребений раннего средневековья дает представление о значительном изменении облика одежды в эту эпоху, яркий пример – появление в костюме местного населения *одежды, закалываемой двумя симметрично расположенными застежками*, фиксируемыми в районе плеч (поздние погребения Бирского могильника, именьковские захоронения, погребение 30 Суворовского и погребение 1 Азелинского могильников) (подробнее см.: Краснопёров, 2008г). Происхождение свое они ведут из про-

винциально-римской культуры, но распространились под влиянием населения I Тюркского каганата, о чем много писал Е.П.Казаков (Казаков, 1997. С.30; 2000. С.66; 2004. С.283).

В это время в степях появляются особого типа пояса, украшенные «геральдическими» накладками. Пояса с дополнительными привесками известны в большинстве средневековых памятников лесной и степной полосы Восточной Европы. В.В.Мурашева называет их поясами «квенгерского типа», признавая условность такого наименования (Мурашева, 1997. С.72). Пояс этого типа состоит из основного, очень длинного ремня. Примерно посередине длины с изнаночной стороны пришивался дополнительный ремешок, который и скреплялся с пряжкой. Еще более усложненная конструкция поясов найдена на Бирском могильнике. Пояс сплошь покрывался ромбическими накладками. Для застегивания на пряжку к внутренней стороне ремня пришивался маленький ремешок без накладок. Длинный конец с накладками и наконечником свисал вдоль ноги до колена, с другой стороны, также вдоль ноги шла ременная привеска с ромбическими накладками и наконечником (Мажитов, 1968. С.37, 51-52, 103, табл.19, 11).

Оригинальный поясной набор найден в погребении 18 Бирского могильника. Основа состояла из узкого ремешка, скреплявшегося В-образной зооморфной пряжкой и маленьким наконечником. Вниз до колена опускались две широкие подвески. Одна была украшена свастикой, другая массивным наконечником и семью «белками» (Мажитов, 1968. С.37, 87, табл.12). Практически идентичный пояс происходит из погребений 26 и 43 Коминтерновского могильника именьковской культуры (Казаков, 1998. Рис. 24; 25; 31-33).

Впоследствии трансформировавшиеся пояса подобных типов распространились в Верхнем Прикамье, став отличительной особенностью носителей неволинской культуры.

Огромные изменения происходят в IX-XI вв. и связаны со сложением и усилением Булгарского государства. Очевидно, что этим периодом надо датировать смену кроя и терминологии основных элементов и деталей костюма.

Окончательное сложение удмуртского костюма можно отнести к XVI-XVIII вв. Только с этого времени в погребениях фиксируются остатки одежды, которые можно уже напрямую соотносить с этнографическими аналогами.

В качестве вывода можно наметить основные этапы формирования и направления костюмных связей населения Прикамья.

Наиболее ранние этапы сложения костюма ориентировочно можно датировать эпохой камня. Универсальными явлениями представляют-

ся виды головных уборов – ленты и полусферические шапочки, двухкомпонентность одежды.

Первая волна заимствований относится к бронзовому веку и связана с иранскими андроновско-петровскими племенами, оставившими след в костюме в виде наконечных украшений.

Значительная волна костюмных заимствований относится к раннему железному веку и связана с ираноязычным скифо-сарматским миром. Включение территории Прикамья в орбиту влияния ираноязычных сарматских племен сказалось на облике материальной культуры, и, в том числе, на видах одежды. К этому времени относится появление в костюме местного населения высоких головных уборов с плоским верхом, системы размещения декора (рис.2).

В два этапа происходило влияние тюркоязычных народов. Начало контактов наблюдается в V – середине VI в. н.э., что отразилось в появлении новых форм поясных украшений.

В VI в. (?) появляются одежды, скалываемые на плечах парными застегками.

По мнению Н.И.Гаген-Торн, с которым следует полностью согласиться, с кочевниками связано появление у финноязычных народов штанов (Гаген-Торн, 1960. С.125).

Вторая волна тюркских контактов относится к рубежу I-II тыс. н.э. и связана с влиянием крупнейшего этнополитического образования – государства Волжских Булгар. Этнографические материалы современного удмуртского населения показывают большую степень сходства с костюмом соседних тюркоязычных народов, как в составе костюма, так и в терминологии. Вероятно, начало сложения удмуртского национального костюма является следствием взаимодействия древнего населения края и представителей Булгарского государства (приблизительно в IX-X вв.). Тюркское влияние фиксируется как в крое, так и в терминологии предметов одежды.

Последний значительный пласт заимствований связан с русской колонизацией и, в дальнейшем, вхождением региона в состав Русского государства.

В табличной форме это можно представить так (см. Таблица 1).

По моему мнению, костюм такого сложного в этническом плане региона как Приуралье, необходимо рассматривать в контексте общеевропейских костюмных традиций и в непосредственной связи с основными этапами формирования этнической карты региона. Это предоставляет возможность оценить вклад различных по происхождению групп не только в сложение костюма и материальной культуры, но и позволит по-новому взглянуть на происхождение этноса в целом.

Таблица 1.

	Период	Направление костюмных связей	Языковая принадлежность	Характер
	Эпоха камня (недифференцированная)	??	??	Двухкомпонентность, головные уборы
1	Бронзовый век	Культуры андроновского круга	Иранцы	Накосники, челюстно-лицевые (подбородочные) подвески
2	Эпоха железа	Скифы, сарматы	Иранцы	Высокие головные уборы на «твердой» основе, крой из двух полотнищ (?) с плечевым швом (?), размещение декора, женские пояса с регулярным размещением декора
3	Раннее средневековье	Восточногерманские племена на периферии римских провинций; Ранние тюрки	Тюрки	Новые виды одежды с парными застежками; Пояса
4	Булгарский период	Булгары и тюрки (кипчаки, кимаки, карлуки, печенеги и др.)	Тюрки	Утрата видов одежд с парными застежками, распространение нового типа кроя из одного полотнища, появление перевязи, некоторых групп украшений
5	Русский период	Русские	Русские	Цветовая гамма (белый цвет) и обувь
6	Собственно удмуртский		Удмурты	Формирование костюма

Список литературы

Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М., 1951.

Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.6. М.-Магнитогорск, 1998.

Волкайте-Куликаускаене Р.К. Одежда эстонцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). М., 1986.

Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // СЭ. 1933. №3-4.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5. Ижевск-Свердловск, 1963.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Ч.2 // ВАУ. Вып.11. Ижевск-Свердловск, 1971.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. М., 2001.

Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.2. Донецк, 2005.

Елкина А.К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

Зубов С.Э. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов. Самара, 2000.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. №3.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Иванов В.А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железн

ного века (к проблеме происхождения и семантики) // УАВ. 2000. Вып.2.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // УАВ. 2003. Вып.4.

Казаков Е.П. Новые материалы по датировке древностей VI-VIII вв. н.э. Закамья // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): Тезисы докладов. Самара, 1997.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Казаков Е.П. Об этнокультурной специфике костюма народов Урало-Поволжья в VI-X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов. Самара, 2000.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именников древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып.2. Самара, 2004.

Климов К.М. О тканях из раскопок в Удмуртском Прикамье // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984.

Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. (СМАЭ. Вып.42).

Косарева И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – XX в. Ижевск, 2000.

Краснощёров А.А. Поясные наборы пьяноборско-мазунинского времени // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007.

Краснощёров А.А. Историография костюма древнего населения Приуралья (период раннего железного века) // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008а.

Краснощёров А.А. Этнографическое изучение одежды народов Прикамья (сравнительно-историографический аспект) // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья. Уфа, 2008б.

Краснощёров А.А. О возможном «угорском» происхождении накосников в костюме народов Приуралья // Россия и мир: история и современность. Ч.1. Сургут, 2008в.

Краснощёров А.А. Мода на одежду с парными застёжками на восточных окраинах Европы // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2008г.

Краснощёров А.А. Контакты населения Прикамья и иранских народов древности (по дан-

ным костюма) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Вып.1. Тюмень, 2009.

Крюкова Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск-Л., 1973.

Курбатов А.В. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Вып.4. Тверь, 2001.

Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. Вып.1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан / Труды Государственного музея Центрально-промышленной области. Вып.3. М., 1926.

Лебедева С.Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск, 2008.

Лебедева С.Х., Атаманов М.Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н.э. // СА. 1981. №4.

Моора Х.А. Из истории развития эстонской народной одежды // Эстонская народная одежда. Таллин, 1960.

Мурашева В.В. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X-XI вв. (по материалам дружинных курганов) // Археологический сборник: Погребальный обряд. М., 1997. (Труды ГИМ. Вып.93).

Никонорова Е.Е. Орнамент счетной вышивки башкир. Уфа, 2002.

Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002.

Обыдённов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Уфа, 2001.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Одежда народов Сибири. М.-Л., 1953. (СМАЭ. Вып.15).

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. 1964. Т.2.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. 1968. Т.3.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т.5.

Рычкова А.А. Становление ткачества у народов Прикамья / Дипломная работа. Ижевск, 2002. / Архив ИИКНП. Ф.1. Д.587

Семенов В.А. Истоки некоторых элементов удмуртского женского наряда по данным археологии // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов УАССР. Ижевск, 1983.

Симоненко А.В. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Старостин П.Н. Первый Меллятамакский могильник // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань, 2002.

Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000.

Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // СЭ. 1977. №3.

Толстов С.П. К проблеме аккультурации // Этнография. 1930. №1-2.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечные украшения Казахстана: Эпоха бронзы. Лисаковск, 1998.

Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. 1993. №2.

Христолюбова Л.С. Историографический обзор // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. О реконструкции детского и женского костюма эпохи средней бронзы (по материалам Алакульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003.

Шитова С.Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. (по данным могильников). Ижевск, 1992.

Шутова Н.И. Одежда древних удмуртов // Древние мастера Прикамья. Ижевск, 1994.

Шутова Н.И. Женская одежда удмуртов XVI-XVIII вв. (по данным археологии) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. Ижевск, 1995.

Шутова Н.И. Женская одежда средневекового населения бассейна р.Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990-1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

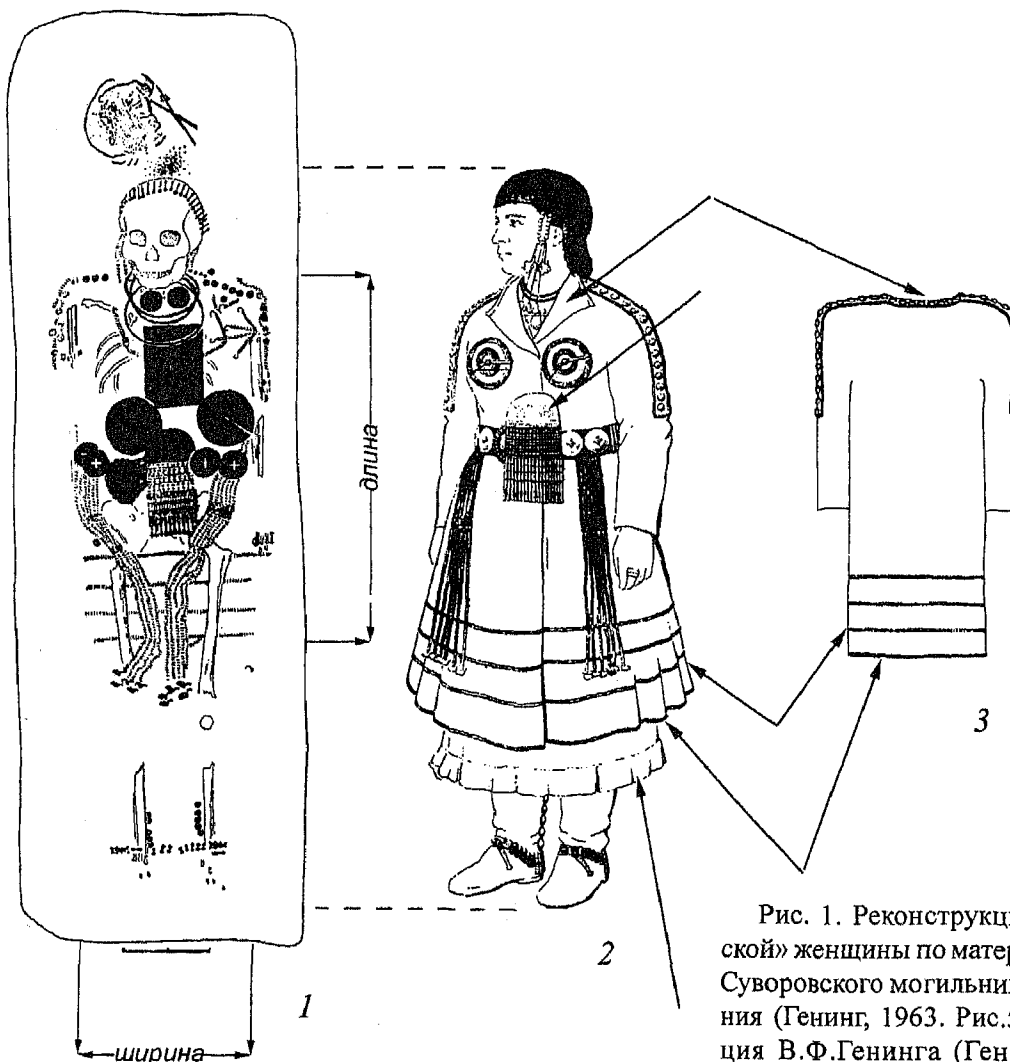

Рис. 1. Реконструкция одежды «азелинской» женщины по материалам погребения 5 Суворовского могильника. 1 – план погребения (Генинг, 1963. Рис.58); 2 – реконструкция В.Ф.Генинга (Генинг, 1963. Рис.19); 3 – вариант реконструкции автора.

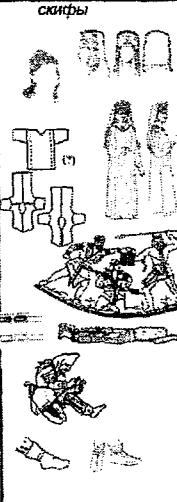
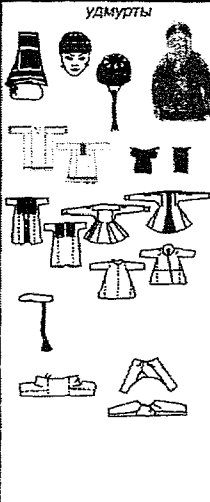
Эпоха каменя	Иранцы				Тюрки		Русские	Археологический костюм Прикамья				
	Ранние	Поздние			Ранние	Поздние		удмурты	ананьинцы	кара-абыз	глиняная пластика	пьяноборье мазуино
												

Рис. 2. Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.

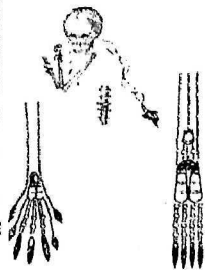
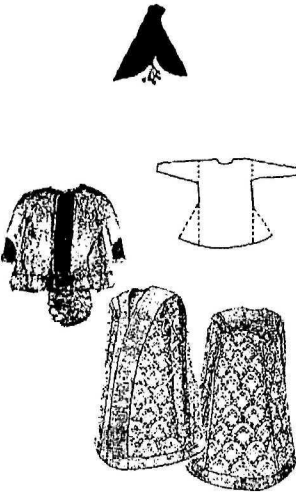
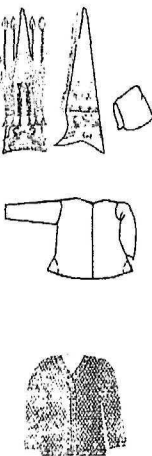
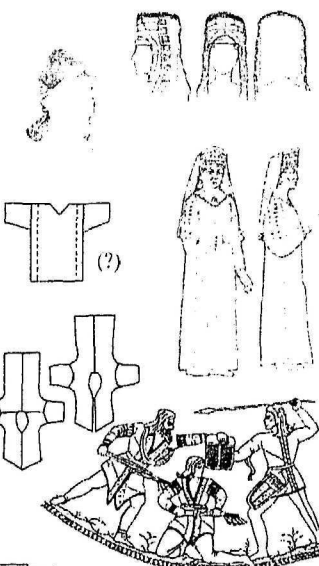
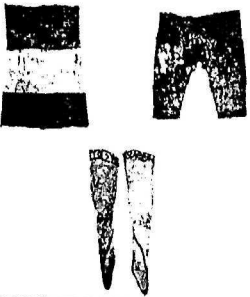
Эпоха камня	Иранцы			
	Ранние	Поздние		
		пазырыкцы	саки	скифы
				
				

Рис. 2а. Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.
Часть 1.

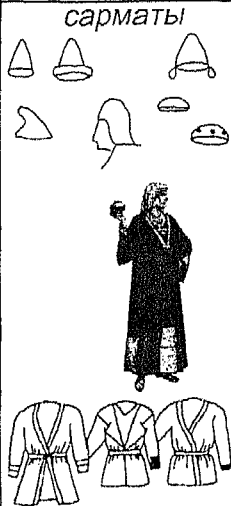
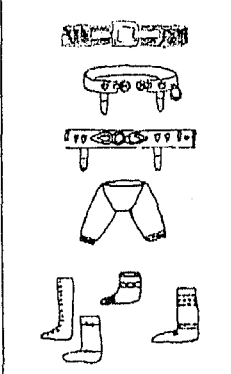
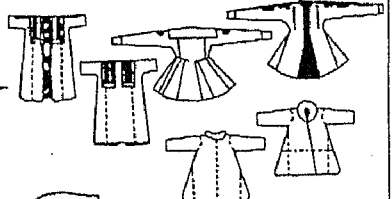
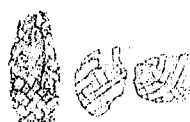
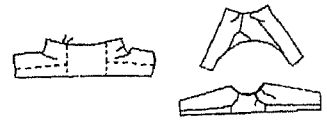
	Тюрки		Русские	
	Ранние	Поздние		
сарматы 				удмурты
			Цвет → 	
				

Рис. 26. Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.
Часть 2.

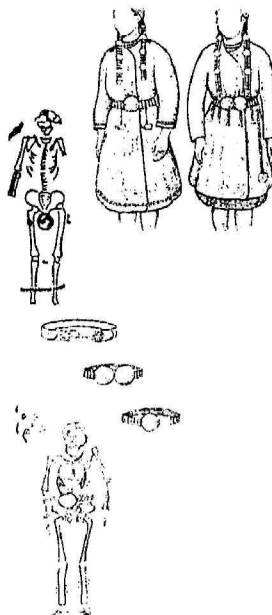
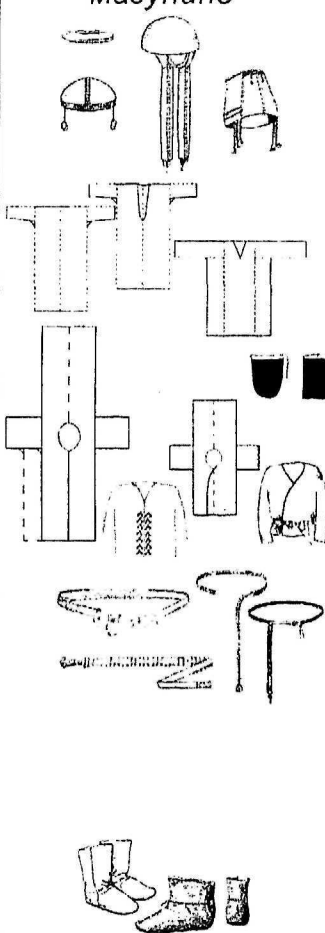
Археологический		костюм	Прикамья
ананьинцы	кара-абыз	глиняная пластика	пьяноборье мазунино
	 [нет данных]		

Рис. 2в, Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.
Часть 3 – «археологический» костюм Прикамья.